

ПОЛИЦЕЙСКИЙ НАДЗОР ЗА ОБЫВАТЕЛЯМИ УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность статьи обусловлена тем, что революционные события 1905–1907 гг. в Костромской и Ярославской губерниях рассматривались преимущественно с партийного и политического аспектов. Подобный принцип привел к тому, что многие моменты революции, в частности ее влияние на городского обывателя, остались практически не изученными. Недостаточно освоены архивные пласты источников в региональных архивах. Изучение воспоминаний уездных обывателей поможет раскрыть причины и следствие революционного движения в 1905–1907 гг., а также объяснить его особенности. Кроме того, большинство исследований посвящены жизни обывателей губернских городов, жители уездных городов остались за пределами внимания исследователей. Однако, согласно меткому выражению Н. М. Карамзина, «Россия сильна провинцией». Цель данной работы – изучить влияние Первой российской революции 1905–1907 гг. на изменение полицейского надзора за жизнью уездных горожан.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Государственного архива Ярославской области, Государственного архива Костромской области, Государственного архива Российской Федерации. Стоит отметить такие группы источников, как местная пресса начала XX в., а именно газеты «Костромской листок», «Северный край», циркуляры и распоряжения костромского и ярославского губернаторов. Основной метод исследования – сравнительно-исторический, позволяющий сопоставить данные о повседневной жизни обывателей Костромской и Ярославской губерний.

Результаты. В данной статье исследованы такие аспекты, как обыски и аресты городских обывателей, усиление цензуры, изменения отношения горожан к полиции в годы Первой российской революции 1905–1907 гг.

Выводы. В уездных городах наблюдалась противоречивая ситуация, связанная с усилением полицейского контроля и цензуры. Уездные исправники и губернаторы, после положительного ответа МВД на запрос о допустимости цензуры, стали изымать прессу, проводить «профилактические» обыски в домах горожан, в том числе рядовых обывателей. При этом современники и пресса отмечали, что полиция, занимаясь поиском революционеров, не выполняла свои прямые обязанности – охрану правопорядка. Уездные обыватели, поначалу положительно настроенные к размещению в уездных городах полицейских и военных гарнизонов для усиления безопасности, поменяли свою благосклонность на отрицательное отношение.

Ключевые слова: повседневная жизнь, революция, обыватель, уездный город, полиция.

POLICE SUPERVISION OF INHABITANTS FROM DISTRICTS OF KOSTROMA AND YAROSLAVL PROVINCE DURING THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION OF 1905–1907

Abstract.

Background. The urgency of the work is due to the fact that the revolutionary events of 1905–1907. In the Kostroma Yaroslavl province are considered mainly from the party and political aspects. Such a principle led to the fact that many moments of the revolution, in particular its influence on ordinary everyday life, have not been studied. The archival layers of the sources are not sufficiently developed. Studying the memories of uyezd townsfolk, will help to disclose the causes and consequences of the revolutionary movement in 1905–1907, and also explain its features. However, it should be noted that most of the research is devoted to the inhabitants of provincial towns, the inhabitants of county cities remained outside the attention of researchers. However, according to the apt expression of N. M. Karamzin “Russia is strong in the province”. The purpose of this work is to study the influence of the First Russian Revolution of 1905–1907. To strengthen police control over the life of the townspeople.

Materials and methods. Implementation of research tasks was achieved through the use of documents retrieved from the collections of the State archive of the Russian Federation, the State archive of Yaroslavl region, the State archive of the Kostroma region. It is worth noting the following group of sources as the local press of the early XX century, namely the newspaper “Kostroma leaf”, “Northern territory”.

Results. In this paper we investigate such aspects as the strengthening of police surveillance over the lives of citizens, the frequent conflicts in the socio-political soil in the city environment, change in culture and mentality of the inhabitants of Kostroma and Yaroslavl provinces.

Conclusions. As a result of the analysis of archival materials and the press, the author comes to the following conclusions. In county cities, there was a controversial situation associated with the strengthening of police control and censorship. On the one hand, after the announcement of the manifesto on improving the state order, in the press of the previously banned materials. However, district police officers and governors, after a positive response from the Interior Ministry to a request for the admissibility of censorship, began to seize the press, conduct “preventive” searches in the homes of citizens, including.

Key words: everyday life, revolution, city, citizen, police.

Первая российская революция 1905–1907 гг. кардинальным образом изменила жизнь всех слоев российского общества. «Жуткое, страшное, но поразительное совершилось», – записывали в своих дневниках современники [1]. Не остался в стороне простой обыватель, который зачастую помимо своей воли был включен в революционный водоворот. Одним из факторов влияния революции на повседневную жизнь обывателей стало усиление полицейского контроля.

Стоит конкретизировать границы термина «обыватель». Под ним понимают политически индифферентных рядовых горожан [2, с. 29]. Ряд исследователей широко определяет сословную составляющую обывателей – это мещане, новые городские слои – служащие и интеллигенция, и даже предста-

вители дворянства, утратившие свой прежний статус, уточняя при этом границу термина – неполитизированность обывателя [3, с. 14].

В самом начале революции департамент полиции и МВД разослали по губерниям секретный циркуляр, в котором губернаторов обязывали доставлять в МВД надлежащие сведения о существовании в городской и сельской среде недовольства или брожения [4]. Однако, согласно анализу фондов жандармского управления и отчетов уездных исправников в начальный период революции, полиция в уездных городах не предпринимала активных действий для усиления контроля. Отчасти такая позиция объясняется более медленной и спокойной реакцией уездных городов Костромской и Ярославской губерний на ключевые события начального этапа революции 1905–1907 гг.

Однако ухудшающееся экономическое положение, активизация политических сил со временем затрагивали и уездные города, что, соответственно, вызвало ответную реакцию полиции. На практике это вылилось в обыски и аресты. При арестах активное участие принимали дружинники. Так, в Юрьеве в конце мая 1905 г. прибыло 69 низших чинов полиции [5]. Накал страстей наблюдался по всем уездным городам, особенно выделялись промышленные города – Рыбинск, Кинешма, Юрьевец [6]. Современники описывали «растерянность» полиции перед ранее нетипичными явлениями, такими как забастовки, митинги и все более учащающимися случаями открытого неповиновения полиции. Уездные стражи порядка, опасаясь за свою жизнь, в неполной мере выполняли обязанности охраны правопорядка.

Объявление манифеста об усовершенствовании государственного порядка 17 октября 1905 г. отразилось на полицейском контроле. Изменения затронули прессу, до того времени активно цензурируемую. «Помню, как непривычно было в легальной газете читать почти революционные статьи», – вспоминал революционер П. Караваев [7, с. 55]. Однако наступившее послабление было недолгим. Газета «Костромской Листок» так описывала происходившие в октябрьские дни события: «Аресты и обыски, обыски и аресты, каждую ночь, вооруженные полицейские и жандармы обыскивают квартиры подозрительных лиц... Не останавливаются даже перед праздничными днями... Никаких предписаний об аресте не предъявляли...». В разгар революции обыски были весьма частым явлением. Пресса язвительно писала: «В Костроме началась заря свободы» [8].

Вследствие деятельности полиции и трудности с доставкой доступ к либеральной прессе у уездных обывателей был затруднен. Министерство по делам печати установило «предел цензуры» следующим образом. «Так ни в одном государстве не существует такой свободы слова, не ограниченной определенными карательными законами, то рекомендуется цезурному ведомству принять в основу наше уголовное законодательство, ибо там есть законы, которые могут нарушиться средствами печати и в этом отношении действует уголовное законодательство» [9]. Подобная расплывчатая формулировка привела к усилению обысков и арестов, направленных прежде всего на поиск и уничтожение агитационных материалов или газет [10].

Так, в Ростове осенью-зимой 1905 г. были расклеены объявления о запрещении публичных собраний, полицейские отбирали у обывателей газеты. В г. Рыбинске был изъят тираж газеты «Рыбинский листок» [11]. Продавцы жаловались на городских, которые усердствовали в погоне за запрещенными

газетами, провожали в полицейское управление и задерживали их там по несколько часов [12]. Обыски магазинов проводились публично, без всяких формальностей.

Характерным явлением стало увеличение числа чинов и служащих в разных отраслях полиции. Был проведен набор в жандармские офицеры и увеличен штат урядников [13]. Тем не менее в ряде городов ситуация со штатом полиции оставалась критической. Юрьевецкий уездный исправник писал в Министерство внутренних дел: «...Прошу канцелярию снести с окружным штабом других округов, не пожелает ли кто-либо из нижних чинов, уволенных в запас, занять должности конных урядников и стражников в Юрьевецком уезде. Число вакансий 14 полицейских и 80 должностей стражников» [14]. Подобная ситуация была и в ряде крупных городов Ярославской губернии. «Положение в Рыбинске тревожное... полицмейстер Желябов “заболел”, пристав первой части города отказался от исполнения служебных полномочий, срочно необходима помощь», – писал 20 октября 1905 г. уездный исправник Ярославскому губернатору [15].

Официальная позиция МВД в вопросе перевода чинов со службы поначалу была жесткой, но постепенно смягчалась. Переводы строевых офицеров на строевые должности как в военном, так и в других ведомствах, за исключением корпуса жандармов и пограничной стражи, подлежали прекращению в связи с тем, что такие должности замещались офицерскими чинами, участвующими в войне с Японией с последующим получением травм и непригодными к службе в строю [16]. В свою очередь данное обстоятельство приводило к падению способности полиции охранять общественный порядок – значительная часть чинов полиции имела физические ограничения по состоянию здоровья.

Несмотря на увеличение числа штата, полиция продолжала делать упор на обыски и поиск революционеров. Газета «Костромской листок» писала: «Нас просят заметить, что кроме занятия обысками, полиция не исполняет своего прямого назначения по охране общественной безопасности. Добиться защиты от хулиганов практически невозможно» [17].

Обыватели подмечали некую безнаказанность уездных полицейских и их безответственность перед гражданами. Такие вольности стражей порядка можно объяснить тем, что штат их в уездах был катастрофически мал, каждый страж порядка был на счету и, соответственно, руководство старалось удержать сотрудников. Так, в Нерехте, в день пасхи в 10 вечера, один из стражников бегал по Суздальской улице около казенного заведения с отточенной шашкой и кричал, что «будет делать, что угодно и ничего ему за это не будет». За такие действия сотрудник получил трое суток ареста, но остался на службе [18]». Местная пресса неодобрительно отзывалась о действиях полиции: «Жесткие нравы наших полицейских, – писала газета «Северная речь» про Ростов, – прекрасно иллюстрируются таким случаем: городские отбирают пьяных и укладывают в извозчике пролетки по несколько человек, так что первый из них попадает под пресс своих коллег» [19].

На весну 1906 г. пришелся пик полицейского надзора. Согласно анализу, количество упоминаний в прессе и отчетах исправников о подобного рода обысках в изучаемых губерниях за первое полугодие 1906 г. выросло на 90 % по сравнению с прошлым годом [20]. Поначалу нейтральное отношение части

обывателей к усилению полицейского надзора становилось отрицательным. Жители г. Кинешмы составили коллективную петицию, в которой просили кинешемскую думу немедленно избавиться от расквартированной в городе казачьей сотни. В петиции утверждалось, что «...в Кинешме нет такого опасного положения, которому нужна военная охрана. Сама охрана предоставляет куда большую опасность чем ту, из-за которой призывается» [21].

Наблюдались и прямые конфликты жителей с полицией. В Варнавинском уезде 23 июня 1906 г. отряд стражников, следовавший для прекращения незаконной рубки леса, остановился на ночлег. Местные жители, подумав о том, что стражники хотят арестовать учителя Воробьева, толпой, вооруженной камнями, выгнали их, обсыпая бранью и заявлениями о готовности сжечь и перебить «кровопийц» [22, с. 123]. Кроме того, в некоторых уездах ввели налог на содержание полиции и казаков. Это вызвало возмущение среди городских слоев Кинешме, поскольку денежные запасы населения из-за революции и так были в расстройстве [23].

Таким образом, Первая российская революция 1905–1907 гг. напрямую затронула простых обывателей. Если в начальный период революционных событий в уездных городах полиция не предпринимала активных действий по усилению контроля за жизнью горожан, то с весны 1905 г. начинаются первые массовые обыски в домах и аресты горожан [24]. Согласно анализу архивных фондов, функцию охраны правопорядка полиция выполняла менее эффективно. Данное обстоятельство объясняется, с одной стороны, тем, что основным приоритетом полиции было обнаружение и выявление революционных элементов, с другой стороны, основной проблемой уездных городов изучаемых губерний была нехватка штата, вследствие чего полицейским не хватало возможностей для исполнения своих прямых обязанностей.

В свою очередь отношение обывателей к стражам порядка, поначалу положительное, становилось негативным. Такое отношение подкреплялось стремлением полиции ограничить доступ к либеральной прессе, а также некорректным поведением отдельных стражей правопорядка. Таким образом, в годы Первой российской революции наблюдались две тенденции – с одной стороны, контроль за частью общества, в том числе уездными обывателями, был усилен, с другой – эффективность деятельности полиции по прямому назначению – охране правопорядка – значительно снизилась.

Библиографический список

1. **Врангель, Н. Е.** Воспоминания: от крепостного права до большевиков / Н. Е. Врангель. – М., 2003. – 512 с.
2. **Бухараев, В. М.** Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым / В. М. Бухараев // Социальная история. – М., 2000. – С. 19–33.
3. **Рязанов, Д. С.** Повседневные настроения городских «обывателей» России в 1917–1920 гг. По материалам Центральной России : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рязанов Д. С. – Тамбов, 2002. – 204 с.
4. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 133. Оп. 2. Т. 8. Д. 11171. Л. 125.
5. Костромской листок. – 1904. – 5 января. – № 4.
6. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 11172. Л. 56.
7. **Караваев, П.** 1905 г. в Костроме, из воспоминаний участника / П. Караваев // 1905 год в Костроме : сб. ст. – Кострома, 1926. – С. 38–66.

8. Костромской листок. – 1905. – 30 декабря. – № 381.
9. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 11723. Л. 5.
10. Костромской листок. – 1905. – 23 декабря. – № 369.
11. Поволжский вестник. – 1906. – 28 сентября. – № 435.
12. Костромская речь. – 1906. – 24 апреля. – № 36.
13. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Т. 11. Д. 11171. Л. 41.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 100. Д. 1ч. 50 л. А. Л. 12.
15. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 73. Оп. 7. Д. 732. Л. 17–23.
16. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 62. Д. 10ч. 87. Л. 20.
17. Костромской листок. – 1905. – 16 марта. – № 129.
18. Костромской листок. – 1906. – 18 апреля. – № 23.
19. Северная речь. – 1906. – 22 сентября. – № 46.
20. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Т. 8. Д. 11172. Л. 162.
21. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 11171. Л. 125.
22. **Неверов, Н. И.** Из материалов по крестьянскому движению в 1905–1907 гг. / Н. И. Неверов // 1905 год в Костроме : сб. ст. – Кострома, 1926. – С. 123–129.
23. Костромской листок. – 1906. – 3 января. – № 2.
24. ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 73. Д. 227.

References

1. Vrangeli N. E. *Vospominaniya: ot krepostnogo prava do bol'shevikov* [Memories: from serfdom to the bolsheviks]. Moscow, 2003, 512 p.
2. Bukharaev V. M. *Sotsial'naya istoriya* [Social history]. Moscow, 2000, pp. 19–33.
3. Ryazanov D. S. *Povsednevnye nastroyeniya gorodskikh «obyvateley» Rossii v 1917–1920 gg. Po materialam Tsentral'noy Rossii: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Everyday moods of urban “inhabitants” of Russia in 1917–1920. On the materials of Central Russia: author’s abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Tambov, 2002, 204 p.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Kostromskoy oblasti (GAKO)* [State Archive of the Kostroma region]. F. 133. Op. 2. T. 8. D. 11171. L. 125.
5. *Kostromskoy listok* [Kostroma leaflet]. 1904, 5 Jan., no. 4.
6. *GAKO*. F. 133. Op. 2. D. 11172. L. 56.
7. Karavaev P. *1905 god v Kostrome: sb. st.* [1905 in Kostroma: collected articles]. Kostroma, 1926, pp. 38–66.
8. *Kostromskoy listok* [Kostroma leaflet]. 1905, 30 Dec., no. 381.
9. *GAKO*. F. 133. Op. 2. D. 11723. L. 5.
10. *Kostromskoy listok* [Kostroma leaflet]. 1905, 23 Dec., no. 369.
11. *Povolzhskiy vestnik* [Bulletin of Volga region]. 1906, 28 Sept., no. 435.
12. *Kostromskaya rech'* [Kostroma speech]. 1906, 24 Apr., no. 36.
13. *GAKO*. F. 133. Op. 2. T. 11. D. 11171. L. 41.
14. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. F. 102. Op. 100. D. 1ch. 50 l. A. L. 12.
15. *Gosudarstvennyy arkhiv Yaroslavskoy oblasti (GAYAO)* [State Archive of the Yaroslavl region]. F. 73. Op. 7. D. 732. L. 17–23.
16. *GARF*. F. 102. Op. 62. D. 10ch. 87. L. 20.
17. *Kostromskoy listok* [Kostroma leaflet]. 1905, 16 Mar., no. 129.
18. *Kostromskoy listok* [Kostroma leaflet]. 1906, 18 Apr., no. 23.
19. *Severnaya rech'* [North speech]. 1906, 22 Sept., no. 46.
20. *GAKO*. F. 133. Op. 2. T. 8. D. 11172. L. 162.
21. *GAKO*. F. 133. Op. 2. D. 11171. L. 125.

22. Neverov N. I. *1905 god v Kostrome: sb. st.* [1905 in Kostroma: collected articles]. Kostroma, 1926, pp. 123–129.
23. *Kostromskoy listok* [Kostroma leaflet]. 1906, 3 Jan., no. 2.
24. *ГАКО*. F. 749. Op. 1. D. 73. D. 227.

Аманов Станислав Фараджевич

аспирант, Ярославский государственный
университет имени П. Г. Демидова
(Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14)

Amanov Stanislav Faradzhevich

Postgraduate student, Yaroslavl State
University (14 Sovetskaya street,
Yaroslavl, Russia)

E-mail: amanov.stanislav@mail.ru

УДК 94 (47)

Аманов, С. Ф.

Полицейский надзор за обывателями уездных городов Костромской и Ярославской губерний в годы Первой российской революции 1905–1907 гг. / С. Ф. Аманов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 2 (46). – С. 60–66. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-2-6.